

Антироссийские санкции в ТЭК и пути их преодоления

Энергосотрудничество с Евросоюзом неизбежно будет возобновлено

Андрей Коноплиник

Сегодня политическое руководство Евросоюза ставит задачи полностью отказаться от импорта энергии из России к 2027 году и совместно с США и рядом других государств вводит санкции на экспортные поставки, в том числе энергетического оборудования, в нашу страну. Однако восстановление энергетического сотрудничества РФ-ЕС неизбежно должно будет произойти, но только после завершения специальной военной операции (СВО) и на новых условиях, то есть в «новой реальности» и «новой нормальности». Мы слишком взаимосвязаны и взаимозависимы с ЕС в рамках Большой энергетической Европы – географического пространства, объединенного стационарной капиталоемкой трансграничной инфраструктурой, – чтобы обе стороны могли позволить себе пойти на списание этих материальных активов и отказаться от долгов, более чем полувековой истории взаимовыгодного энергетического сотрудничества на основе этой инфраструктуры.

Но тогда возникает вопрос: чем заменить в краткосрочном плане то, чего нас лишат Европа и США, то есть весь англосаксонский мир? По товарной номенклатуре, по критическим элементам в воспроизводственных цепочках, где мы оказались зависимы от импорта из Европы и США в силу того, что в свое время это казалось (и оказалось) быстрее и дешевле, чем выстраивать такие цепочки на основе собственных ресурсов (интеллектуальных, трудовых, материальных) и в рамках национальной юрисдикции. Напрашивается первый как бы очевидный вариант: замена импорта товаров и услуг с западных (англосаксонских) товарных и финансовых рынков на аналоги с азиатских товарных и финансовых рынков.

Замена англосаксонского импорта азиатским

Возможен ли такой вариант? Да. Но только, на мой взгляд, как временные точечные решения, но не как системное решение.

Во-первых, как правило, замена англосаксонского товарного импорта на азиатский может означать его удорожание при ухудшении качества. Азиатские товары могут быть хуже по качеству (хотя могут быть и дешевле по цене) англосаксонских аналогов, что в итоге ведет к удорожанию в пересчете на срок службы из-за сокращения межремонтных периодов и т.п. А азиатские финансовые рынки не столь обильны и впрямую дороже.

Во-вторых, неочевидно позиционирование многих «третьих» государств в нынешних условиях антироссийских санкций. Естественное опасение попасть под ограничения в рамках своих собственных отношений с государствами-санкционерами в случае поддержки России вынуждает их выбирать сдержанную позицию. В том числе в отношении поставок нам подсанкционных товаров или организации иных путей помощи в обход антироссийских санкций. Именно поэтому путь замены утрачиваемого англосаксонского импорта критически важных товаров на азиатские аналоги я рассматриваю лишь в качестве временной, неизбежно тактической меры и лишь по точечным позициям критического импорта с целью недопущения остановки производственных цепочек. И только там, где есть реальная угроза такой остановки. И лишь на период до налаживания собственного производства цепочек. И только там, где есть реальная угроза такой остановки. И лишь на период до налаживания собственного производства цепочек.

Опора на собственные силы в условиях деглобализации

Основной путь, то есть системное решение, на мой взгляд, это опора на собственные силы в нынешних условиях деглобализации по критическим, утраченным в результате санкций звеньям ключевых производственных цепочек (рис. 1) и для существующих, но пока нерентабельных, и для отсутствующих производств. Эти звенья выпали как вследствие ухода из России западных компаний-акционеров в российский ТЭКе (например, в сфере крупнотоннажного СПГ) после начала СВО, так и вследствие того, что теперь в Россию запрещен экспорт соответствующих видов

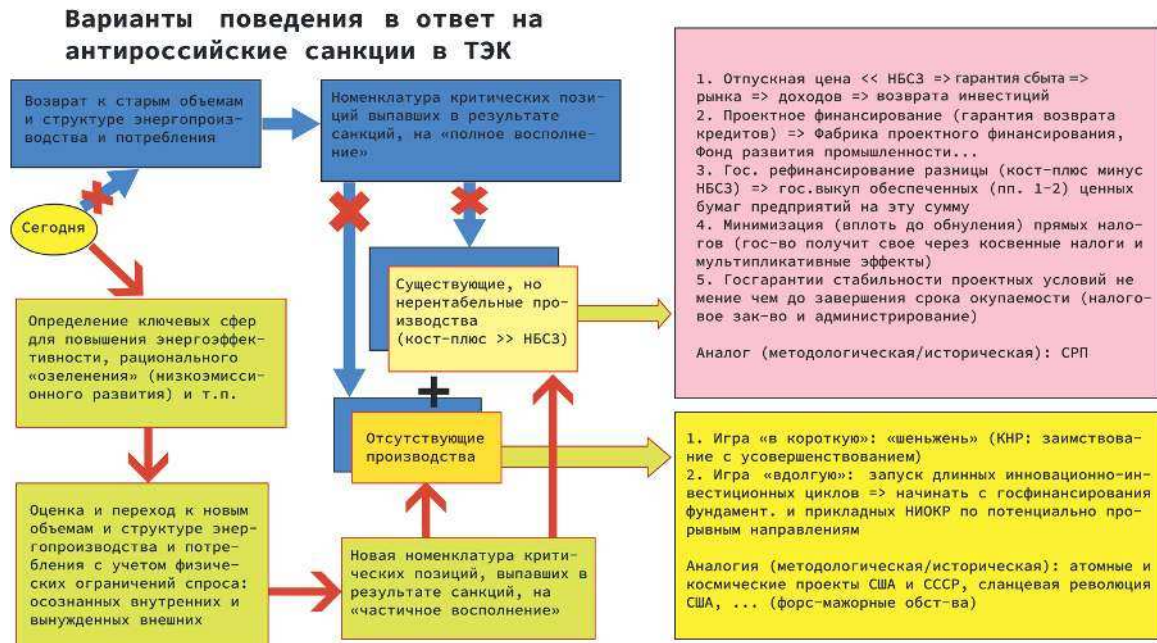

Рис. 1.

Механизм финансирования пока не вышедших на рентабельность производств

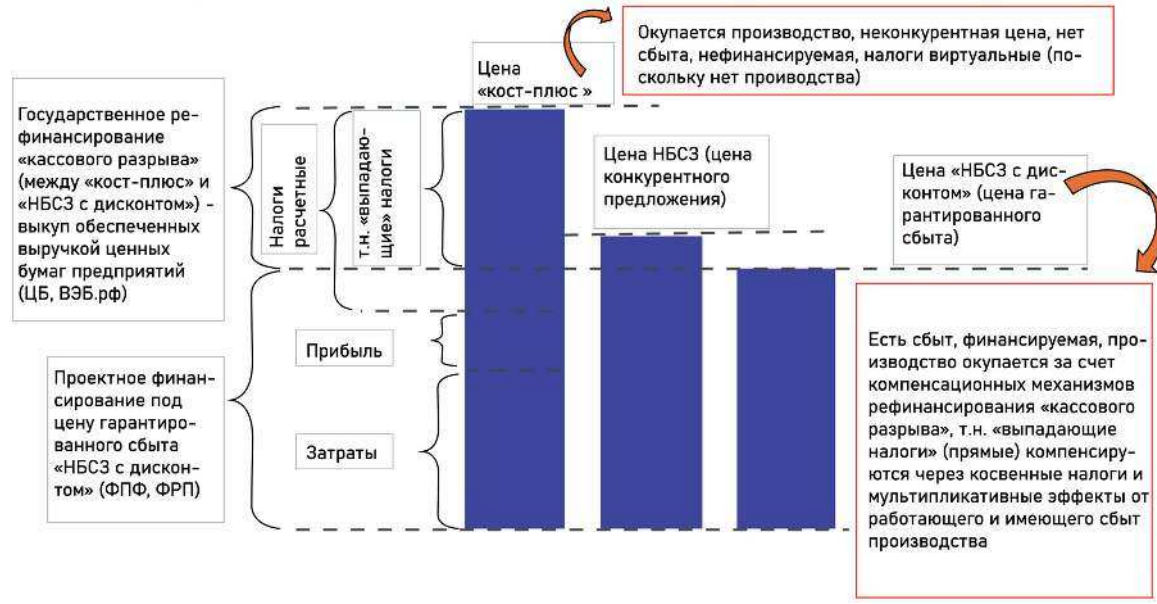

Рис. 2.

оборудования, держателями которого и/или носителями ноу-хау по которому являлись ушедшие из России и/или действующие на мировом рынке за пределами России и другие западные компании. Значит, в первую очередь нужно провести ревизию тех утраченных в результате англосаксонского исхода ключевых звеньев производственных цепочек, которые не замещаемы сегодня поставками с Востока, чтобы начать их немедленное восстановление на основе собственных ресурсов и технологий в рамках собственной (и/или с задействованием дружеских) юрисдикции. Следовательно, первый необходимый шаг – это каталогизация утраченных позиций по всем производственным цепочкам.

Здесь возникает первая задача: все ли выпавшие звенья необходимо восстанавливать? Нужен ли (первый путь) возврат к старым (запланированным до начала СВО и до новых санкционных ограничений) объемам и структуре отечественного энергопроизводства и потребления (заданным действующей энергостратегией), а отсюда – возврат к номенклатуре критических позиций, выпавших в результате санкций, на их «полное восполнение»? Или же необходимо (второй путь) определить ключевые сферы для повышения энергоэффективности и рационального озеленения (низкоэмисионного развития) российской экономики, что приведет к неизбежному сжатию объемов и изменению структуры ТЭК России как по конечной, так и по первичной энергии. Это потребует жесткой ревизии энергостратегии с целью оценки и перехода к новым объемам и структуре энергопроизводства и потребления с учетом фактических ограничений спроса: осознанных внутренних и вынужденных внешних. В результате будет выявлена и каталогизирована новая номенклатура критических позиций, выпавших в результате санкций, на их «частичное восполнение».

Понятно, что эта работа должна быть проделана (понимаю, что уже делается) снизу вверх, от уровня конкретных энергокомпаний до уровня уполномоченного органа правительства (Минэнерго), где эта информация должна быть обобщена, приоритизирована, исключено дублирование, устранены/урегулированы внутри- и межведомственные – равно как и между отдельными компаниями – амбиции и приоритеты и т.п. И делать это необходимо, безусловно, на государственном уровне, ибо энергетика – это народнохозяйственный комплекс. Отсюда – актуальность поднятого господином

Дерипаской вопроса о «начальнике по импортозамещению».

На мой взгляд, именно второй путь является приоритетным, точнее, единственно правильным. В рамках этого пути возникает очередная задача, связанная с тем, что разные выпавшие критические позиции в технологических цепочках, требующие замещения с опорой на собственные силы, могут находиться как на разных стадиях кривой технологического освоения (КТО), так и вне этой кривой. В первом случае это означает, что у нас существуют технологические заделы, которые оказались невостребованными в разное время и остановились на разных стадиях жизненного цикла той или иной технологии, на разных стадиях КТО. Они не дошли до стадии коммерциализации либо потому, что оказались недоработанными технологически, либо, будучи технологически доработанными, оказались слишком дороги, а потому их производство нерентабельно по сравнению с зарубежными аналогами. И компании российского ТЭКа – потребители этих технологий – предпочли обратиться к более дешевому (в координатах «цена-качество») импорту. Во второй раз речь идет об отсутствующих производствах: мы этим ранее никогда не занимались, у нас этих производств нет по определению, совсем. Для каждого из этих путей – свой набор и своя последовательность действий (рис. 1).

Путь решения проблемы нерентабельных производств

Проблема существующих, но нерентабельных производств описывается формулой «кост-плюс >> НБСЗ». Это означает, что отпускная цена, обеспечивающая рентабельность любого такого производства и построенная по принципу «кост-плюс», то есть учитывающая капитальные (куда зачастую закладываются все возможные и нельзя прошлые затраты) эксплуатационные затраты, расходы на финансирование (когда прибегают к долговому финансированию) плюс приемлемая норма прибыли, оказывается выше цены альтернативного предложения у потребителя, то есть цены «нет-бэк от стоимости замещения».

Каким видится путь решения этой проблемы? На мой взгляд, допустима следующая жестко взаимосвязанная система действий производственного бизнеса (производители утраченных в результате санкций технологий и их потребители в отраслях ТЭКа), финансового сектора (коммерческие банки, Центробанк, институты развития), государства в лице регулирующих органов.

Первое. Отпускная цена должна быть целенаправленно установлена на уровне ниже НБСЗ («НБСЗ с дисконтом») (рис. 2). Это обеспечит при сопоставимом качестве с аналогами-конкурентами (то есть в координатах «цена-качество») гарантии сбыта для данной технологии (ее востребованность бизнесом), а значит, конкурентную долю рынка, гарантию доходов от реализации и возврата инвестиций на производство данных звеньев технологических цепочек, утраченных в результате санкций. Отпускная цена может (а пожалуй, и должна) быть плавающей – привязанной к цене альтернативных (конкурентных) технологий через так называемые формулы привязки. Такой механизм давно отработан на практике в газовой отрасли – в Европе с 1962 года (знаменитая Гронингенская формула долгосрочного экспортного контракта), в российских (тогда еще советских) поставках газа в Европу с 1968 года (модифицированная формула Гронингенского ДСК).

Второе. Гарантии сбыта и доходов (см. выше) обеспечиваются проектное финансирование развития производства, ибо обеспечивают гарантии возврата целевых кредитов под его развитие для цены реализации ниже НБСЗ. В России действуют такие институты, как Фабрика проектного финансирования (ФПФ), Фонд развития промышленности (ФРП), заточенные под реализацию и способные реализовать эту задачу. Необходимо расширить спектр их деятельности на пошедшие под санкции и требующие восстановления звеньев производственных цепочек в разных отраслях. Возможно в рамках указанных и иных аналогичных финансовых институтов формирование специализации по отраслевым направлениям в силу специфики рисков производственно-сбытовой деятельности (разных инвестиционных циклов – срочность, капиталоемкость и др.) в разных отраслях экономики. Такой подход обеспечивает финансовые гарантии проектного финансирования.

Третье. Возникает вопрос: кто покроет «кассовый разрыв», то есть разницу между текущей «финансируемой» ценой реализации – той, которая меньше НБСЗ, которая не обеспечивает рентабельности производства, но обеспечивает сбыт и рыночную долю, и под которую только можно (а в рамках предлагаемого пакета мер – и должно) получить проектное финансирование, и текущей «нефинансируемой» ценой реализации «кост-плюс» – той, которая выше НБСЗ, которая обеспечивает те-

кую рентабельность производства, но не обеспечивает сбыт, и под которую нельзя – и не должно – получить поэтому проектное финансирование (нет гарантий возврата заемных средств) для запуска производства утраченного в результате санкций того или иного критического звена технологических цепочек?

Ответ: это можно сделать за счет государственного рефинансирования, на возвратных условиях, разнице между «кост-плюс» и «НБСЗ с дисконтом». Полагаю, это может быть механизм выкупа/принятия на свой баланс Центробанком или Государственным банком развития (ВЭБ.РФ) обеспеченных (см. выше) ценных бумаг соответствующих предприятий (технологических компаний) на эту сумму. По мере производства и сбыта будет происходить неизбежное (эффект кривой обучения) снижение их «цены самофинансирования» (кост-плюс), что должно будет в итоге привести ее к уровню текущей отпускной цены, установленной (см. выше) ниже НБСЗ. Это будет «технически» снижать величину подлежащего рефинансированию первоначального «кассового разрыва».

Следующие два пункта относятся к регулированию роли государства и к устанавливаемым им характеристикам инвестиционного климата.

Четвертое. Предлагается минимизация (вплоть до обнуления) прямых налогов на производство: государство получит свое через косвенные налоги и мультипликативные эффекты от данного производства. Поскольку цена реализации любого продукта распадается на три основных компонента – издержки (производственные плюс финансовые), налоги и прибыль, то минимизация налогового компонента (прямых налогов) будет вести к уменьшению цены реализации (в идеале – до уровня ниже НБСЗ – до конкурентоспособной «НБСЗ с дисконтом») (рис. 2). Таким образом, может отпасть необходимость (см. выше) в необходимости применения механизма государственного рефинансирования разницы между «кост-плюс» и «НБСЗ с дисконтом», если удастся снизить «кост-плюс» до уровня ниже НБСЗ за счет сокращения налогового компонента (прямых производственных налогов). На таком подходе (замещение так называемых выпадающих прямых налогов получением дополнительных косвенных за счет расширения их налоговой базы вверх по производственным цепочкам предыдущих переделов вследствие наращивания первичного производства) были построены многие известные из международной практики национальные программы выхода из кризиса, в частности (видимо, наиболее известная) программа «рейганомик» в начале 1980-х годов в США.

Пятое. Государство предоставляет гарантии стабильности проектных условий на период не менее, чем до завершения срока окупаемости по каждому конкретному инвестиционному проекту, в первую очередь по налоговому законодательству и его администрированию. Это обеспечивает правовые гарантии проектного финансирования в каждом индивидуальном случае (а иного – неиндивидуального – проектного финансирования не бывает и быть не может).

Я вижу в этом своем предложении аналогию методологическую и историческую, с механизмом согласований о разделе продукции (СРП) для инвесторов-недропользователей. Ключевая идеология СРП (правовая стабильность, налоговая благоприятность) была воспринята и отчасти воспроизведена в рамках соглашений о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) – сегодня главного инструмента для мегапроектов. В рамках нынешней ведущей его разработки его инструментальный может быть быстро доработан и расширен под более широкую и без современных ограничений «только для мегапроектов» номенклатуру проектов по восполнению утраченных в результате санкций товарных позиций в технологических производственных цепочках.

Два пути решения проблемы отсутствующих производств

Для отсутствующих производств возможны два пути восполнения соответствующих «брешей» в воспроизводственных

технологических цепочках: для решения краткосрочных и долгосрочных задач.

«Игра в краткосрочную». Как пишет Дмитрий Белоусов (ИИП РАН), «исходя из опыта преодоления санкций в разных странах, успешными были только адаптации, сопровождавшиеся проактивной экономической, финансовой и технологической политикой. В рамках подобной модели отсутствие притока технологий компенсируется сперва заимствованиями (точнее, так называемым шенженьем – заимствованием с улучшением), потом во все в большей степени – собственными разработками или работами в кооперации со странами-партнерами. Неизбежное усиление роли государства уравновешивается, с одной стороны, усилением синергии государства и бизнеса, обеспечением максимально выгодного бизнесу институционального порядка, с другой – обеспечением максимальной экономической свободы на «низовом» уровне». Опыт шенженя нашей стране не занимать, причем задолго до появления и вхождения в обиход этого китайского термина. Значительная часть индустриализации и модернизации СССР в до- и послевоенное время обеспечена с применением механизмов того, что сегодня называется шенженьем, равно как и послевоенные, в разное время экономические рынки многих азиатских стран (Японии – в 1960-х, «азиатских драконов» Юго-Восточной Азии – в 1980-х, Китая – в начале 2000-х и др.). Односторонний отказ западных стран от следования нормам международного права (санкции, экспроприация активов и т.п.) делает, на мой взгляд, вновь сегодня возможным и допустимым встречный отказ России от норм патентного и лицензионного права и использование всех и любых источников доступа к необходимым технологиям, патентам и лицензиям (шенжень) по расширенному варианту для замещения подсанкционных позиций в критически важных звеньях наших технологических цепочек.

«Игра в долговую». Речь идет о запуске длинных инновационно-инвестиционных циклов новых производств на основе собственных технологических цепочек. Начинать придется с госфинансирования фундаментальных и прикладных НИОКР по потенциально прорывным направлениям, с подготовки соответствующих специалистов в рамках системы высшего и среднего специального образования под заданную систему приоритетов.

Аналогия (методологическая/ историческая): атомные и космические проекты США и СССР – из военной сферы, сланцевая революция США – из мирной и др. Правда, следует иметь в виду, что сланцевый инновационно-инвестиционный цикл США занял 30 лет. И начался он с госинвестиций в фундаментальные НИОКР по широкому спектру потенциальных перспективных направлений. Все эти инновационно-инвестиционные циклы были запущены форс-мажорными обстоятельствами, ставящими на карту экономическую, энергетическую безопасность страны вплоть до задачи выживаемости самого государства. Сегодня на карту вновь поставлена задача выживаемости России, против которой ведется война на экономическое удушение (при сохраняющейся – пока? – риторике наших противников о недопустимости ядерной войны, то есть войны на уничтожение).

Я не раз слышал от Егора Гайдара, что «реформы делаются не тогда, когда есть время и деньги, а когда их нельзя не делать». Санкции, СВО и вся связанная с ними текущая обстановка вокруг России в мире – тот самый момент, на мой взгляд, когда их нельзя не делать. Когда есть насущная потребность в запуске целой серии инновационно-инвестиционных циклов в экономике России для восполнения утраченных (как в результате санкций, отрезавших импорт, так и в результате преждевременной остановки по тем или иным причинам отечественных работ) ключевых технологических звеньев воспроизводственных цепочек.

Для отсутствующих производств возможны два пути восполнения соответствующих «брешей» в воспроизводственных

Андрей Александрович Коноплиник – доктор экономических наук, профессор, член Научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике.